

183
3 12

БИБЛИОТЕКА АГИТАТОРА

ЗА РОДИНУ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
— СБОРНИК —

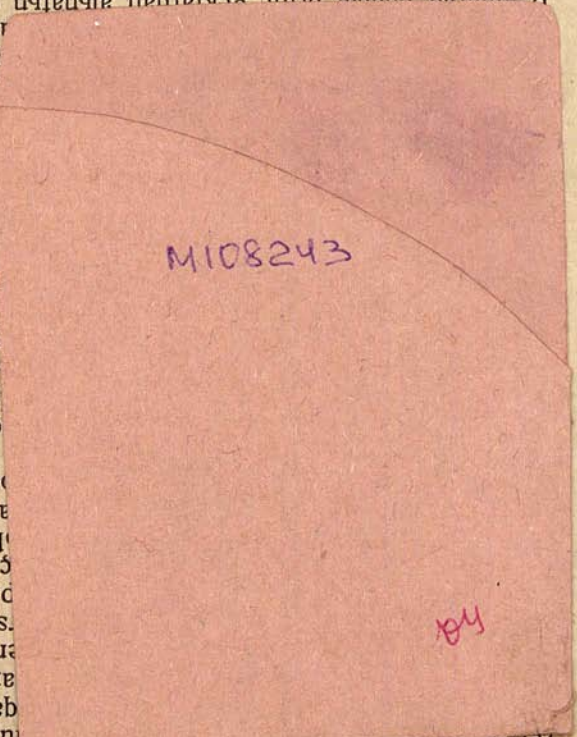

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЛТАЙСКАЯ ПРАВДА»
г. Барнаул, 1943 г.

1943

gald gaularbn talqandap qurubna oqan yzdkksjz komek
ustalsbn, osb este ustalp, Bzjdjn sotsialistisk razved
ge cpiondarbn, kjsj eitruclerjn, ziankestern gberjn
5. Kapitalistisk gorcau umbtimassbn, cet el razved
kyceitljlp, ertsetjle bersjn.
bersjn, SSSR galqtarbnjn dostbqz barnca kyceitjle bers
cblarbn, carualarbnjn, intelligentsianjn dostbqpen Bjl
rblp obrblsbn, sovet qoqambrjn moraldq-saisi
sbn, eidjn saisi emjrn agbrna dejn demokratitalan
4. Bzjdjn sotsialistisk Konstitutsia yzdkksjz gyz
nietjik xaljn ondan isj budan ert de gyrgetjle bersjn.
3. Cumscblarbn, carualarbn, intelligentsianjn
ertsetjle bersjn.
Bzjdjn egjn caruacblp men mal caruacblpbrjn e
sibr malb — 40 protsent, cblpbrjn sanp — 35 protsent
pen 30 — 35 protsent ulqatbrndal bolp, qoi men coc
sentnerge cetkizletjndei bolp, texnika egjsterjn
Cuman paxar ert gcradani aibnarbn astbrjn ort
astbrbn cbl
e ertsetjle
bek enjmd
nomika ga
ozp obr
rtis texnika
detterj:

uzdbq respun
qatbnasqan ba
ai bolsa mun
erjne aser etj
san, eger B
c, olarbn z
casamasa, so
lar edj deg
ap, cpiondar
pinder ezde
eitruclerde
ubna ekelj
sbraq bolm
in oqiqalar
larbn nbg
edj?

M108243

MA

1938 gblarjn Baspna Rozengerts, Karkov, Buxarin

БИБЛИОТЕКА АГИТАТОРА

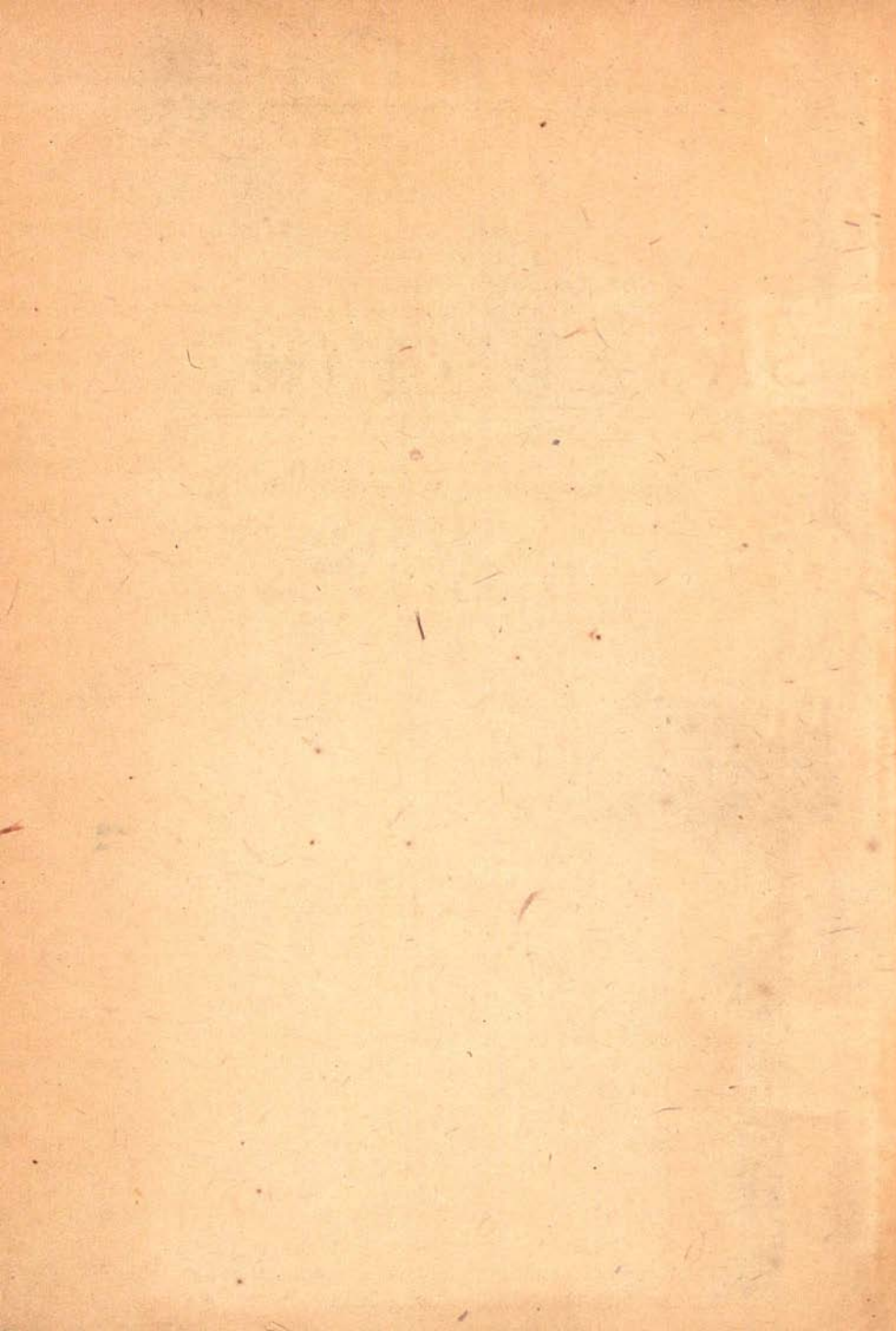
Л

ЗА РОДИНУ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИК

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Алексей Сурков.

ПОБЕДА.

От Кубани к верховьям Донца
Мчится ветер, степной непоседа.
Полнит музыкой наши сердца
Долгожданное слово — победа.

В этом слове — солдатская честь,
Радость встреч после долгой разлуки.
В этом слове — свершённая месть
За обиды, за слёзы, за муки.

Мы идём по равнине степной,
Серебристой овейны пылью,
Будто сразу у всех за спиной
Распахнулись орлиные крылья.

И летят наши думы к тому,
Кем начертана радости дата,
Кто прошёл сквозь кровавую тьму
Твёрдым шагом вождя и солдата.

Он под пулями дрогнувший ряд
Останавливал окриком строгим.
Он меж злых и усталых солдат
Шёл в строю по военным дорогам.

Не сгорая в бессонном труде,
О себе не заботясь нимало,
Он был с нами незримо везде,
Где сомненье людей настигало.

Возмужали мы, горечь и злость
Полной мерой в страданиях изведав,
И в сердцах наших верных слилось
Слово Сталин со словом победа.

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Я слышу голос твой, земля моя родная,
Сквозь ночь, сквозь тьму, сквозь гром я слышу
голос твой.

Я знаю: вся в крови, от ран изнемогая,
Ты, непреклонная, идёшь на славный бой.

Он близок, светлый час, когда зарёю алой
Победа озарит твой вешний небосклон,
И в хату отчую боец войдёт усталый,
И гордый будет стяг над миром вознесён.

Средь мрака и грозы, как светоч пламенея,
Сверкая славою в тумане и в пыли,
Ты краше всех миров и всех сердец роднее,
О, солнце милое святой моей земли!

Демьян Бедный.

ПРЕД МИРОМ ЗАСВЕРКАЛ..

Рычат, и щерятся, и пятятся враги
Пред мощным натиском с востока.
Им ясно слышатся железные шаги
Их настигающего рока.

Преступнейший маньяк сулил им навсегда
Отдать наш край родной и нашу жизнь в
награду.

С какою лютостью разбойная орда
Рвалася к Волге, к Сталинграду!

Фашистских выродков, вошедших в буйный раж,
Зверей, охваченных грабительским угаром,
Манил слепивший их мираж —
Решить борьбу одним ударом.

Но волжский богатырь, как грозная скала,
Стоял, громя врагов, кромсая их тела,
Круша их технику, выматывая силу.
Здесь вражья наглость обрела
Свою позорную могилу!

Нет, не на вражьей стороне
Возникли образцы для новых поколений:
В народе кованной броне
Пред миром засверкал — в боях, в громах, в
огне —
Наш стратегический победоносный гений!

Враг отбивается, встать силясь на дыбы.
Но Сталинград уже предрек исход борьбы,
Событий мировых став вехою рубежной.
Фашистам не спастись от ждущей их судьбы,
Заслуженной и неизбежной.

Павло Тычина.

ГОЛОС МАТЕРИ

Ужасна эта ночь была:
Трещали стены, буря выла...
Мне тяжесть на сердце легла
И, как свинец, его давила.

— Встань, брат!.. Спаси!.. — в мой сонный слух
Слова из бури долетели,
И беспокойства смутный дух
Поднял меня с моей постели.

Я глянул в темноту, и мне
Привиделось, что там висело
Перед окошком, в вышине,
В петле качавшееся тело.

Я ужаснулся: — Это ты?!
— Сними меня! — висящий крикнул.
Рукою холод темноты
Ловил я, лбом к стеклу прикикнув.

...И мне почудилось, что — вот
Я в Киеве... Псы сворой тощей
Грызутся... Немец стережёт
Повешенных... Безлюдна площадь...

Как сладко жизнь отдать, друзья,
За свой народ, за счастье края!..
Бросаюсь к виселице я,
Петлю ножом перерезаю.

На землю брата я кладу
И сердца слушаю биенье,
И оживающий, в бреду
Хрипит он: — Мщенья, друже! Мщенья!

Тут немец выстрелил по мне,
И я проснулся... Дождь бил в крышу...
Так это было лишь во сне!
Как душно!.. Я из дома вышел.

Но тяжесть на сердце легла
И, как свинец, его давила.
Ужасна эта ночь была!
Деревья гнулись, буря выла...

— Тебя, — мне кто-то молвил вдруг
Сквозь бури шум, — я разбудила.
Не спи! Пусть бодрствует твой дух.
Как никогда, нужна нам сила!

Идут друзья твои на бой,
Их тысячи, их миллионы.
Пусть вдохновит их голос твой
К победе рваться непреклонно.

Во след полкам спешат полки,
Чтоб вражью раздавить ораву.
Дай им огонь твоей строки,
Что закалялась в гневе правом!

Ужель ты слеп и глух! Взгляни:
Вот те, кто умер, в край свой веря
Они взывают: «Прокляни
Нас всех замучившего зверя!

Смотри, что делает злодей:
Повышенных качает ветер...
Святую злобу перелей
В свой стих!.. Гляди, убиты дети.

А матери их — растлены,
Отцы живём зарыты в землю...
Почувствуй боль родной страны, -
Тогда лишь я тебя приемлю!

Ведь ты остался молодым,
Воспой же гнев родного края!

Сегодня я сынам своим
В огне и буре лик являю.

Будь твёрд и крепок, как алмаз,
Забудь обманчивую жалость:
Тому, кто ослабел хоть раз,
Я во второй раз не являлась!

Ты узнаёшь мой голос! Я —
Вскормившая тебя, как сына, —
Страна советская твоя,
Твоя родная Украина!

И засвистело в проводах,
И стихло... Утро наступало...
Лишь в тучах молний двух зигзаг
Сверкал, как будто в небесах
Мать к сыну руки простирала.

Перевёл Дм. Кедрин.

МОРСКАЯ ДУША И МИНОМЕТ БИЛ...

В разведке под Севастополем трое краснофлотцев вышли на миномётную немецкую батарею. Они бросили в окоп несколько гранат и перестреляли разбегающихся немцев. Батарея замолкла.

Казалось, можно было бы возвращаться — не каждый день бывает такая удача. Но миномёт был цел, и рядом лежало несколько ящиков мин.

— А что, хлопцы, — сказал раздумчиво Абращук, — мабуть трошки докидаемся по немцу?

Он взялся наводить. Колесник — подносить ящики с минами, а третий разведчик, армянин Хастян, стал к миномёту заряжающим.

Немецкие мины полетели в немецкие траншеи, нанося там серьёзный урон, и всё пошло хорошо. Наконец, фашисты догадались, что по ним бьёт их же собственный миномёт. На троих моряков посыпались снаряды и мины.

Казалось бы, пора было подорвать миномёт и оставить окоп. Но моряки заметили, что их батальон, воспользовавшись неожиданной поддержкой миномёта, поднялся в атаку. Тогда они решили бить по немецким траншеям, пока хватит немецких мин.

И миномёт бил по фашистам. Всё ближе и всё чаще рвались рядом с моряками немецкие снаряды. Разрывы стали обсыпать краснофлотцев землёй, осколки — визжать над ухом. Колесник упал: его ранило в ноги. Перевязавшись, он ползком продолжал подтаскивать к Хастяну ящики с минами.

И миномёт бил по фашистам. Он бил яростно и непрерывно. Снова в самом окопе грохнул немецкий снаряд. Хастяну оторвало кисть руки. Моряки перетянули ему руку бинтом, остановили кровь. Он встал, шатаясь, протянул здоровую руку за очередной миной, которую подал ему с земли подползший Колесник, и опустил её в ствол.

И миномёт бил по фашистам.

Он бил до тех пор, пока до окопа не добежали краснофлотцы, ринувшиеся в атаку.

Даже видавшие виды бойцы ахнули при виде трёх окровавленных моряков, методически и настойчиво посылавших немцам мину за миной: один — безногий, другой — безрукий, третий — неразличимо перемазанный кровью и землёй.

Раненых тотчас понесли в тыл. А Абрашук сказал:

— Эх, расстроили нашу компанию... Ну, становись к миномёту... желающие... Тут ещё полный ящик, бей по левой траншее, а я вперёд пойдю!

Он подобрал немецкий автомат и бросился вслед за атакующими моряками.

ФЕДЯ С НАГАНОМ

В раскалённые дни штурма Севастополя из города приходили на фронт подкрепления. Краснофлотцы из порта и базы, юные добровольцы и пожилые рабочие, выздоровевшие (или сделавшие вид, что выздоровели), раненые — все, кто мог двигаться, вскакивали на грузовики и, промчавшись по горной дороге под тяжкими разрывами снарядов, прыгали в окопы.

В тот день в Третьем морском полку потеряли счёт немецким атакам. После пятой или шестой моряки сами кинулись в контратаку на высоту, откуда немцы били по полку фланговым огнём. В одной из траншей, поворачивая против фашистов их же замолкший и оставленный здесь пулемёт, краснофлотцы нашли возле него тело советского бойца.

Он был в каске, в защитной гимнастёрке. Но когда, в поисках документов, расстегнули ворот, — под ним увидели знакомые синие-белые полоски флотской тельняшки. И молча сняли моряки свои бескозырки, обводя глазами место неравного боя.

Кругом валялись трупы фашистов — весь пулемётный расчёт и те, кто, видимо, подбежал сюда на выручку. В груди унтер-офицера торчал немецкий штык. Откинутой рукой погибший моряк сжимал немецкую гранату. Вражеский автомат, все пули которого были выпущены в фашистов, лежал рядом. За пояс был заткнут пустой наган, аккуратно прикрепленный к кобуре ремешком.

И тогда кто-то негромко сказал:

— Это, верно, тот... Федя с наганом...

В Третьем полку он появился перед самой контратакой, и спутники запомнили его именно по этому нагану, вызвавшему множество шуток. Прямо с грузовика он бросился в бой, догоняя моряков Третьего полка. В первые минуты его видели впереди: размахивая своим наганом, он что-то кричал, оборачиваясь, и молодое его лицо горело яростным восторгом атаки. Кто-то заметил потом, что в руках его появилась немецкая винтовка и что, наклонив её штык вперёд, он ринулся один, в рост, к пулемётному гнезду.

Теперь, найдя его здесь, возле отбитого им пулемёта, среди десятка убитых фашистов, краснофлотцы поняли, что сделал в бою безвестный черноморский моряк, который так и вошёл в историю обороны Севастополя под именем «Феди с наганом».

Фамилии его не узнали: документы были неразличимо залиты кровью, лицо изуродовано выстрелом в упор.

О нём знали одно: он был моряком. Это рассказали сине-белые полоски тельняшки, под которыми кипела смелая и гневная морская душа, пока ярость и отвага не выплеснули её из крепкого тела.

Ю. Добряков.

ЧЕРТЫ ГЕРОИЗМА

Недавно в одной резервной части меня познакомили с танкистом, воюющим с первых дней войны, участником обороны Одессы. На башне его танка отчётливо видна надпись: «Одесса-мама». Меня привели в избу, где брился перед осколком зеркала сам водитель танка, гвардии сержант Яков Девярых, или Яша-одессит, как его запросто называют товарищи. Это — смуглый парень с чёрными курчавыми волосами и светлоголубым цветом глаз. Уже через несколько минут беседа с ним потекла легко и непринуждённо. Свои рассказы танкист щедро пересыпал шутками, и я увидел в нём живой дух и бодрость бывалого солдата, которого не могут сломить испытания войны.

— Да вы весельчак! — заметил я.

— А разве нет? — ответил Девярых. — У нас в Одессе даже небо смеётся, а с памятника дюка Ришелье никогда не сходит такое выражение, как будто старик хватил лишний стаканчик... Впрочем, один раз я затосковал. Это случилось в Одессе, когда мне пришлось оставить много воды между собой и портом, где я ещё сосунком глотал живых моллюсков. Но лучше всё по порядку... Повёл я свою «Одессу-маму» на подавление румынских позиций, подкатившихся к самой черте города. А надо сказать, что экипаж её состоял целиком из одесситов, а башенным стрелком был Сандро Остапчук, парень с Дерibasсовской... Видим — прут «романешта», прут, не пригибаясь, во весь рост. «Ах, — говорю, — какая невоспитанность: идут в гости, не кланяясь. Научи их, Сандро, хорошим манерам!». Ну, он дал огонька. А надо сказать, что перед танком румыны слабы, как карамельное пиво. Дрогнули они и побежали. Не утерпел я, высунулся из люка и кричу: «Ах, мамалыжники, куда же вы?! Не хотите ли посмотреть, какой

шикарный вид открывается?!» Вернулся я на базу с таким чувством, будто у меня в грудной клетке поместили целую колокольню и ударили во все колокола. А тут подходит ко мне командир и говорит: «Сержант Девятых, приказываю вам за полчаса сжечь танк». — «Где танк? — спрашиваю. — Разрешите сейчас же выйти на выполнение боевого задания». — «Да нет, — отвечает, — приказываю сжечь ваш танк, вот эту самую «Одессу-маму». Тут я схватился за область сердца и тихо говорю: «Так точно, товарищ капитан, только я, может быть, плохо слышу?» — «Да нет, — отвечает, — слух у тебя аккуратный». Посмотрел он на меня и добавил: «Есть приказ оставить Одессу».

Сержант с досадой намылил щёки и продолжал:

— И вот, понимаете ли, сам облил я горючим «Одессу-маму» и она сгорела на моих глазах, как фелюга дяди Арона, когда её подпалили контрабандисты. Опомился я только в море, на борту транспорта и тосковал до тех пор, пока не вспомнилась мне одна популярная песенка, которую я, как говорится, отработал в новой редакции.

И сержант негромко пропел:

Ты одессит, Яша, а это значит,

Что не страшны тебе ни горе, ни беда,

Ведь ты танкист, Яша, а танкист не плачет

Хотя под ним не суша, а вода...

— А что же потом? — спросил я.

— Потом? Вы видели когда-нибудь толковый словарь Даля? Откройте его на глаголе «убить», и вы убедитесь, что у этого удивительного глагола есть девять синонимов: тузить, дубасить, колошматить, ударять, вкалывать, барабанить, выезжать, утюжить, и даже чисто научное выражение — с'ездить по рылу. Все эти глаголы мы проверили под Сталинградом и на Кубани, и, представьте, старик Даль понимал в этом толк! К тому времени у моей «Одессы-мамы» уже подросла крупная дочка, и с ней мы тузили и колошматили, вкалывали и дубасили, используя в заключение девятый глагол.

— А точнее?

— Точнее? Эй, браток! — закричал Девятых кому-то за перегородкой. — Скажи, сколько мы отутюжили немецких дзотов?

— Тридцать четыре, — ответили из-за перегородки.

— А противотанковых батарей?

— Восемнадцать.

— А скажи, браток, сколько мы отбарабанили фрицев?

— Триста сорок три.

— Порядок, — повернулся ко мне Девятых. — Это я у Сандро Остапчука спрашивал. Он у меня и башенный стрелок и летописец.

УКРАИНКА

Могучие руки двух танкистов подняли её над головами, как пёрышко, и легко поставили на командирский танк. Девушка устало оглянула лесную поляну, танкистов, стоявших вокруг танка, подняла голову и неожиданно улыбнулась — прямо в высокое голубое небо. Стояла на танке нежным олицетворением мирной жизни, смотрела на танкистов глазами их матерей, сестёр, жён, невест. Медленно высвободила из-под большого платка обе руки, осторожно подняла их и протянула вперёд. Тогда танковая бригада, как один человек, дрогнула: рук у девушки не было — только обрубки торчали, забинтованные в марлю.

Шумел лес, будто дышал тяжело и не мог успокоить биение огромного сердца, и тоненькие ветви наклонялись друг к другу, как люди в толпе, и земля под корнями деревьев дрожала от далёкого пушечного боя, и птицы чирикали приглушённо.

— Товарищи танкисты,— сказала девушка спокойным голосом, спрятав руки снова под платок, — я родом из Полтавщины, Хорольского района. Семнадцать лет исполнилось мне прошлым летом. Зовут меня Марийка. Жила я возле матери моей родимой. Я кончила семилетку в селе и поступила к звеньевой Парасе Бойко. Это звено, где все девушки, все мы четверо, были орденосцами. Да нет, путаю я... сначала я работала у другой звеньевой...

Спокойный голос, как голос сказки, лился холодными каплями в сердце, поднимался и спадал, переходил в песню. Мягкий полтавский выговор «эль», как серебряная нитка, звенел в воздухе. А какая она вся тонкая и слабенькая, какая нежная и юная.

— Руки мои, они были золотые... Со всем я справлялась и в поле и дома... Бывало, матери я напяду, и вышью, и сварю, и постираю, и побелю, и печь разрисую, и хлеб испеку, и корову подою, и матушку мою приголублю: смотри, мол, какая доченька у тебя, не ленивая, не гордая и не белоручка... О, если б руки мне вернули, если бы руки мои... Ой, вернитесь, мои рученьки, на проклятого немца! Ой, испить бы ему мести полную чашу!... Лежат мои руки в немецкой земле... Ой, зову-зову, не услышишь! Ой, кричу-кричу, не откликнешься!... Братики вы мои дорогие, возьмите меня с собой в тот немецкий край...

Шумел лес, вея холодом в души танкистов, обдавая жаром их сердца...

— Нет!.. Я не буду больше голосить, — это я так, — не сдержалась... Всё скажу, как было. Меня девушки в звене не Марийкой звали, а Мрийкой,—мечта, значит. Это потому, что я всё мечтала, мечтала, да так в мечтах и жила. В Кремле мы ордена вместе получали, эту вот самую руку мне Калинин пожал. Я и там размечталась: «Вот, если бы он меня приголубил!.. Ну, пусть приголубит,

ну, пусть!» Они взяли меня да и погладили по голове, вот поверьте! О чём не мечтаю, всё исполняется... Я орден свой в садочке закопала, — так мама просила... «И чего, доченька, со всеми не ушла?» А я маме моей голову помыла, гребешком расчесала и молчу... «А чего же ты, дочка, молчишь?» — «Да оттого молчу, что осталась я не под немцем, мама, а на своей земле, — в партизаны иду, вот что...»

Шумел лес, бушевал. На верхушках его плясали пустые ветры, но до корней добраться не могли.

— Автомат у меня был немецкий, да недолго гуляла я на воле, недолго немцев била, добро их палила, сдачи не искала, жалости не знала. «Мрийка, — бывало, скажет мне командир, — а ну-ка, помечтай, сколько того немца в том-то и в том-то селе стоит, и где их миномёты, огневые точки?» — «Ладно, — отвечаю, — мечтать-то мне сейчас некогда, это я в мирное время мечтала, а теперь я разведчица, товарищ командир, и не Мрийка, а Марийка». А они только засмеются. Очень любили меня в партизанском отряде.

Шумел лес ровным, глубоким шумом, тучи, падая, низко плыли, задевая кроны деревьев.

— Однажды я пошла в разведку в своё село. А село у нас красивое... Не потому, что оно моё село, я так говорю, а хоть кого спросите!... Стала на горке над Хоролом и смотрю вниз. Луна взошла. Тишина. В темноте в избах веет могильным холодом... Постою я — думаю — зайду к маме, проведуя, они мне всё и раскажут. Иду, крадучись, тихонько. Оружие в кустах спрятала. Пробираюсь к родному дому. Нигде и собака не залает, и часовых не видно, не знаю, что и подумать. Вот и наш угол. Изба беленькая, дворик тихий; груша ветви свои раскинула. Ворота растворены и кто-то меня в воротах высматривает. Я — бежать! При лунном свете мать свою признала... Мамо, — хочу крикнуть, да боюсь, бегу с горы... — Мамонька, это вы меня выглядываете? — Подбегаю, а они простоволосые и руки назад прячут! — Мамо! — кричу, да как припаду до них, а они на воротах висят, холодные уже.

Шумел лес, слившись в одно целое, и в его могучих рядах ширилась и росла грозовая сила.

— А что я могла сделать, когда всё село пустое, избы разрушены, печи развалены?.. Похоронила я маму в садочке да и пошла. Ой, горе нашей бедной Украине... Слушайте меня все республики, моим голосом Украина зывает!.. Погибну, а немцу не покорюсь! Погибну, а немецкой не буду! Спасите, братья!

Шумел лес от внезапного наскока бури, закрихтели старые деревья и снова гудят, гудят...

— Ой, куда ж я вас понесла, мои рученьки, зачем дорогу не разглядела, зачем горе своё не перетерпела? А горе-то мне мир закрыло. Иду и иду, ничего не вижу, на рассвет и внимания не

обращаю; забыла осторожность; партизанской наукой пренебрегая, иду и иду, пока в голову мне не стукнуло немецкое: «Хальт! Хальт!»

— Впихнули нас в теплушки, заперли и повезли в рабство. Никого и не спрашивали, ни с кем и не говорили — только «шнель — шнель», как стадо втолкнули... Щелкнул замок, паровоз дёрнул — и поехали...

Шумел лес, ещё раз ударилась грудью об него буря и залегла, притаившись, своей поры ожидая...

— А в Германии в этой суетятя людоеды, колокола гудят, бога просят своего немецкого... Гитлер во всех репродукторах гавкает, слюной заплёзывает землю. Природа их без красоты, только чисто выметено. Не верьте, танкисты, что у них культура! Я сама видела, у нас в колхозном свинарнике было больше той культуры... Привезли нас в какой-то город, выволокли из вагона мёртвых, а нас, живых, выгнали на площадь, на торги. Вспомнила я историю варваров — немцев, и мне показалось, что переехала я чёрную ночь, что вот сейчас они станут Гуса на огне поджаривать, Галилея пытать. Ходят толстомордые кулаки на торгу, выбирают среди нас себе рабынь... Э, нет, врётё... не для того нас воспитал вольный народ. Не для того растили нас Ленин и Сталин. Не для того Шевченко «Кобзаря» написал. И дня не была я рабой. Дождалась ночи, подожгла хутор моего немца и ушла на восход солнца, на Украину...

Шумел лес, билась об него буря вверху, раскачивала стволы, взметала листьями, гудела, свистела, редела...

— Две недели по ночам шла: так поймали! Думала уже скоро домой добраться. Ночевала по лесам и по тёмным оврагам — немец ночи боится, ни за что из хаты не выйдет. А всё-таки поймали! Поймали, потому, что обессилела я, упала возле дороги и лежала без памяти до самого дня.

...Повезли меня куда-то и продали ещё какому-то хозяину, ещё и печать на руку поставили — вечное клеймо, чтобы не убежала во второй раз. Я немцу тому все двери позакрывала в квартире и выкрутила газ. Пусть теперь дышит до смерти, а сама снова убежала. Бегу на Украину. Ноги изранила, лицо ветками исцарапала, одежду колпочками порвала. Бегу и плачу, бегу и плачу, мать свою зову, бегу и бегу. Уже от дома недалеко. От голода и холода чуть разум не потеряла. Вот она, моя Украина, матинка моя, вот она, родненькая моя! Принимай дочку свою с чужого края, принимай ветер с синего Дуная!..

Шумел лес и вдруг замолк, и настала тяжёлая тишина ожидания, затишье перед бурей...

— Братики мои верные, соколы мои ясные! Немцы мне руки отрубили и на Украину погнали: мол, все смотрите, что бывает с

теми, кто с немецкой каторги убегает. Пусть, так немцы рассчитывают, страх изъест сердца людей, ужас пусть заморозит ваши кости!..

А я иду по земле, как святой кобзарь, и высоко несу своё увечье, и призываю к мести, и расплаты требую. Вставайте, свободные люди! Вставай, моя Украина! Вставай, советская земля! Так иду... Так иду...

Шумел лес...

«По машинам!» — загремела команда, и двинула танковая бригада в бой, под гул моторов и лязг гусениц, и долгожданная буря ударила сверху на лес, сотрясла его до самых корней и начала всё сметать в хаосе и громе. На полянке стояла маленькая Мэрийка и пела и кричала вслед танкистам, как хозяйин бури.

Константин Паустовский.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ НОЧЬ

Пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Высокий боец.

Коренастый боец.

Варя, девочка лет двенадцати.

Карнов Александр Константинович, композитор.

Павел Аркадьевич, старик архитектор.

Действие происходит в Ленинграде зимой 1941 года

Картина первая.

Перед занавесом

Девочка лет двенадцати, с длинными косами, озябшая, сёжившаяся от ветра, несёт в руке кусок хлеба. Останавливается. По всему видно, что у девочки кружится от слабости голова. Девочка медленно садится на землю. Хлеб падает и откатывается в сторону. Девочка опускается на землю и лежит неподвижно. Топот сапог. Вбегают два бойца в касках, с винтовками и повязками на руках. Бойцы наклоняются над девочкой.

Высокий боец (слегка встряхивает девочку за плечи). Дышит. Обморок у неё.

Коренастый боец (поднимает хлеб, вытирает его рукавом шинели). Удивительно! Все ребята хлеб ещё в булочной с'едают, а она даже корочки не отщипнула. Родители у неё, видать, строгие. Ох, и строгие, видать, родители!

Высокий боец. Ты брось рассуждать. Надо её в дом внести. Замёрзнет она на снегу.

Бойцы поднимают девочку. Она судорожно вздыхает, открывает глаза и виновато смотрит на бойцов.

Девочка (говорит очень тихо). Это в первый раз. Честное слово. Голова и раньше кружилась, но ещё ни разу так сильно.

Высокий боец. Далеко живёте?

Девочка. Нет. Здесь. Вон в том под'езде.

Высокий боец. Пойдёмте!

Высокий боец ведёт девочку. Поддерживает её за плечи. Коренастый идет сзади с хлебом в руке.

Комната с двумя высокими окнами. Старинная мебель, резные двери. На тёмных стенах картины в золотых рамах. Рояль. Около дивана — железная печка-времянка. На полу перед печкой — груды книг. За окнами видна Нева в снегу, ростральные колонны, здание биржи. Среди Невы стоит на якорях вмерзший в лёд низкий военный корабль. Всё затянато тяжелой зимней мглой, освещено ко-сым холодным солнцем. Бойцы вводят в комнату девочку. Высокий боец усаживает её на диван. Девочка забивается в угол и кутается в платок. Коренастый кладёт хлеб на диван рядом с девочкой, потом присаживается на корточки около печки, бросает в печку растрёпанную книгу, но останавливается, вытаскивает книгу из печки и перелистывает её.

Коренастый боец. Марк Твэн «Приключения Тома Сойера». Нет уж чего похуже. (Роется в книгах, читает названия). «Два капитана», «Алиса в стране чудес», «Каштанка».

Девочка. Жгите. Я это уже всё прочитала. По несколько раз.

Коренастый боец. Жалко! Может, есть баракольная какая книжечка?

Девочка отрицательно качает головой.

Эх, пропадать — так пропадать. (Бросает в печку первую появившуюся книгу и разводit огонь). Чайничка у вас нету? Мы вам кипяточку согреем и пойдём дальше шагать над Невой. Мы — патруль.

Девочка. Там, на подоконнике.

Коренастый боец. Папаша у вас художник?

Девочка. Нет.

Коренастый боец. Картин много.

Высокий боец. Похоже, что музыкант. Рояль у вас итальянский. Редкий рояль.

Девочка. Нет, он не музыкант.

Высокий боец. А кто же?

Девочка. Я одна... Это не моя квартира. Здесь живёт композитор Карпов.

Коренастый боец (оборачивается к высокому). Слышишь ты, капельдудкин, композитор! Это по твоей части.

Девочка (слабо улыбается). А что это такое — капельдудкин?

Коренастый боец. По-нашему, по-армейски — это музыкант. Отставного генерала горнист или хромой козы барабанщик.

Высокий боец (ставит чайник со льдом на печку). Ты бы бросил трепаться. (Девочке). Кем же вы приходитеcь Карпову?

Девочка. Никем. Я жила в соседней квартире. Тётя Люда умерла две недели назад. А папа умер ещё раньше. Я осталась так... совсем без всех. Вот Александр Константинович и взял меня к себе.

Высокий боец. Понятно.

Коренастый боец (вздыхает). Совершенно понятно.

Девочка (высокому бойцу). А вы откуда знаете?

Высокий боец. Что?

Девочка. Что это итальянский рояль.
Высокий боец подходит к роялю. На нём лежат ноты. Он осторожно берёт их.

Девочка (испуганно). Не трогайте! Это рукопись.

Высокий боец. Вижу. Симфония «Ленинградская ночь». (Перелистывает ноты). Ах, ты, чорт! Сразу как сильно берёт. Времени нету, а то бы попробовать. (Нерешительно подымает крышку рояля и трогает клавиши). Как ты думаешь, Саша?

Коренастый боец. Нельзя! Скоро начнётся такая небесная музыка, что всё у тебя турманом вылетит из башки. Пошли, Серёга.

Высокий боец. Сейчас! (Прислоняет винтовку к роялю, быстро садится на круглый стул и берёт несколько аккордов). Ах, ты, чорт. Как здорово!

Дверь из передней отворяется. Павел Аркадьевич с трудом втаскивает в комнату кусок разбитой чугунной ограды. Старичок снимает очки, протирает их и подслеповато смотрит на высокого бойца. Тот перестаёт играть, берёт винтовку.

Старичок. Странные вещи я вижу в этой квартире. Весьма странные. Как вы сюда попали, молодые люди?

Коренастый боец. Да вот, девочка у вас ослабла. Упала на улице. Привели её к вам, товарищ Карпов.

Старичок. А я вовсе не Карпов. Я его сосед, архитектор. За Варюшу вам спасибо. Она хорошая, наша Варюша. (Поворачивается к высокому бойцу). Превосходно играете, молодой человек. Вы, можно сказать, виртуоз.

Высокий боец (явно смущён). Как умеем.

Старичок (вздыхает). Да... В старые времена войска шли в бой под музыку. В этом был смысл. Как вы думаете?

Высокий боец. Ещё бы!

Старичок. Теперь это, конечно, невозможно! А жаль!

Коренастый боец. Музыка бойца над землёй подымает. Эх, как ударит оркестр! Да что говорить! Пошли, Серёга.

Высокий боец. Пошли!

Коренастый боец достаёт из своей сумки краюху хлеба и незаметно кладёт её на диван рядом с девочкой. Бойцы идут к дверям.

Коренастый боец (останавливается в дверях, оборачивается к старику). Странные вещи я вижу в этой квартире. Весьма странные!

Старичок (испуганно). Какие?

Коренастый боец (стучит прикладом по куску разбитой ограды). Вот эти!

Старичок. Что же тут странного! Разве вы не узнали? Это кусок ограды от Казанского собора. Вот видите, втащил сюда. У меня в комнате их уже некуда класть. Всё завалено этими обломками. Боюсь, пол не выдержит. Всё-таки, знаете, тяжёлые штуки.

Коренастый боец. А зачем они вам?

Старичок. Как зачем! Я же вам сказал, что я архитектор. Нигде в мире нет таких чугунных оград, как у нас. Помните: «Твоих ог-

рад узор чугунный, твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак, блеск безлунный»... Я о них книгу написал, об этих оградах. Я каждую из них руками ощупал. Как же мне не подобрать хоть малую их часть и не сохранить для будущего.

Коренастый боец (про себя). Чудак!

Старичок. Для будущего. Снова подымется Ленинград над Невой во всём великолепии. Я верю в это, молодые люди.

Высокий боец. Мы все верим.

Коренастый боец. Совершенно понятно. Ну, прощайте.

Бойцы уходят.

Старичок. Варюша, а где Александр Константинович?

Девочка. Он пошёл к Медному всаднику. Закладывать его мешками с землёй.

Старичок. Кипятку выпей. Ты совсем слабенькая. Увезти тебя мадо.

Девочка. Никуда я отсюда не уеду. Никуда. Вы мне про это не говорите, Павел Аркадьевич. (Тихо плачет).

Старичок. Ну, не буду, не буду. Ты полежи. (Идёт к двери, забирает кусок ограды). Я сейчас приду, напою тебя горячим. (Уходит).

Далёкий приближающийся свист. Девочка быстро садится, задевает оба куска хлеба. Они падают на пол. Девочка радостно вскрикивает и поднимает их. Взяв за окном. В сумерках за Невой виден мутный блеск.

Девочка (шепчет). Два хлеба! Откуда же взялся второй? Отламывает от краюхи маленькую корочку и прячет её в карман. Встаёт, подходят к роялю, с трудом подымает крышку и прячет оба куска хлеба в рояль.

Так он найдёт их сразу. (Быстро опускает крышку).

Входит старичок.

Старичок. Опять дальнобойный! По Васильевскому острову. Иди, Варюша, попьём горячего.

Девочка возвращается к дивану. Старичок наливает кипяток в большие чашки.

(Прихлёбывает кипяток). Хлеб я свой, Варюша, ещё в булочной с'ел, не удержался. Стар я стал. Сила воли, конечно, не та.

Девочка (достаёт из кармана корочку хлеба, протягивает её старику). Вот, Павел Аркадьевич.

Старичок. А тебе?

Девочка. Я не хочу.

Старичок (берёт корку, разламывает её пополам, даёт половину девочке, передразнивает её). Не хочу, не хочу... Небось, свой хлеб тоже с'ела на улице.

Девочка. С'ела, Павел Аркадьевич.

Старичок. Тебе простительно. Ты ребёнок. Как же тебе удержаться. Небось, и Александра Константиновича хлеб тоже отщипнула?

Ну, ну, не сердись. Это я пошутил. Ты у нас хорошая, Варюша. Не сердись. А у Александра Константиновича грех хотя бы одну крупинку отнять.

Девочка. Знаю.

Старичок. Ничего ты не знаешь! Ты ещё маленькая. Ты этих вещей не понимаешь. Он симфонию пишет об осаждённом Ленинграде. Эту симфонию, милая, надо играть во всех частях перед боем, на всех кораблях.

Девочка. Я знаю... Я каждую ночь слушаю, как он играет.

Старичок. То-то! Вся наша ярость, вся сила и гордость — в этой симфонии. И как пишет! В темноте, в ледяной этой комнате, за коркой хлеба и кружкой кипятка, под взрывы, под смерть. Вот учись, как надо быть сильной, Варюша.

Девочка (тихо). Я знаю... Скажите, Павел Аркадьевич, а то, о чём пишут в сказках, бывает в жизни или нет?

Старичок. Смотря что.

Девочка. Ну вот, может сам собой появиться в этой комнате хлеб? Как в «Синей птице»?

Старичок. Отчего же. Пожалуй, и может. Я семьдесят лет прожил, Варюша. Теперь я всему могу поверить.

Картина третья.

Ночь. Шторы на окнах опущены. Горит копилка. Девочка спит на диване, укрытая шубой и платком. Глухие взрывы. От них пламя копилки каждый раз вздрагивает и вот-вот погаснет. Входит Карпов, пожилой человек с утомлённым лицом.

Разматывает шарф, снимает шапку. Видны его седеющие волосы.

Карпов (присаживается к печке, растапливает её книгами).
Всю свою библиотеку сожгла, глупая!

Встаёт, подходит к роялю, открывает крышку, садится, задумывается и начинает играть. Ударяет по клавишам, но рояль молчит. Вместо звона струн слышен глухой и неприятный стук. Встаёт.

Так и знал. От этого проклятого холода лопнули струны. (Заглядывает внутрь рояля, хмурится). Что это? (Достаёт два куска хлеба). Как много. (Отламывает кусочек и начинает есть). Чудесный хлеб. Кто же положил его сюда? Странные вещи творятся в этой квартире! Ты спишь, Варя? (Девочка не отвечает). Кто же мог его сюда положить? Но кто бы он ни был — спасибо. Хлеба хватит на всю ночь.

Карпов гасит копилку и поднимает штору. За окном тускло светит снег. Карпов снова садится к роялю и начинает тихо играть. Девочка осторожно поднимается и слушает. Торжественные и печальные звуки наполняют дом. В открытой крышке рояля вспыхивает и гаснет слабый блеск. Доносится глухой раскат. Второй раскат. Карпов играет. Девочка встаёт, садится на корточки около печки, осторожно подбрасывает в огонь книги и слушает. Входит старичок. Он на цыпочках подходит к печке, останавливается и тоже слушает.

Старичок (тихо). Вот учишь, как надо быть сильной, Варюша. **Карпов** (перестаёт играть, оглядывается). Кто положил хлеб в рояль?

Девочка. Не знаю.

Картина четвёртая

Перед занавесом. Бойцы — высокий и коренастый — стоят и прислушиваются. Ночь. Ещё слышны отзвуки боя, гул самолётов.

Высокий боец (берёт коренастого за рукав). Погоди, Саша. Слышишь?

Коренастый боец. Как будто слышу.

Бойцы прислушиваются. Доносятся отдалённые звуки рояля.

Вот, Серёга. За это я люблю Ленинград.

Высокий боец. За что, Саша?

Коренастый боец. Стужа лютая, бой, темнота, а бьётся в нём сердце. И как я понимаю, будет биться всё крепче. Вот слышишь — рояль...

Бойцы прислушиваются.

Высокий боец (показывает вдаль). Смотри.

Коренастый боец. Чего там?

Высокий боец. На мост смотри. Видишь?

Коренастый боец. Идут ребята в окопы. Должно быть в Лигово. Какая часть — не разберу.

Высокий боец. Моряки. С кораблей.

Коренастый боец. Эх, и беззаветные это ребята. Жалко мне их, Серёга.

Высокий боец (сурово). А ты жалость держи поглубже за пазухой шинели. После войны мы о ней вспомним, браток.

Коренастый боец. Эх, ты, ещё музыкант. Жалко, что уйдут они в бой в тишине. Им бы музыку эту послушать. Закипело бы сердце!

Высокий боец. Вот ты о чём! Это действительно жалко. И сердце действительно закипело бы у ребят.

Коренастый боец. Будут они проходить здесь под окнами и ничего не услышат. (Берёт за рукав высокого бойца и тихо говорит). Есть у меня одна нахальная мысль, Серёга (что-то шепчет высокому бойцу).

Высокий боец (смеётся). Вытаскивает из кармана шинели банку консервов, показывает её высокому бойцу). С этим и пойдём. А то, понимаешь, неловко.

Бойцы уходят

Картина пятая

Комната Карпова. Карпов играет очень тихо. Стук в двери. Карпов не перестаёт играть. Девочка испуганно смотрит в дверь.

Старичок (идёт в переднюю). Вот! Патруль. Дождались! Говорил я, что свет от этой печки видно с улицы, говорил!
Старичок уходит. Карпов перестаёт играть и встаёт. Слышен топот ног, смущённые голоса. Старичок с торжеством распахивает дверь.

Пожалуйте, молодые люди. Александр Константинович здесь. Входят бойцы, жмутся у порога. Коренастый держит в руке банку консервов.

Коренастый боец. Вот... ваша девочка, понятно, ослабла... Так вот. Мы сменились, время у нас теперь есть.
Карпов с удивлением смотрит на бойцов.

Высокий боец (толкает коренастого в спину). Что ты бубнишь! Говори толком.

Коренастый боец. Так вот... Примите баночку. Это лососина (Подходит к девочке, подаёт ей банку консервов. Девочка растерянно берёт её).

Карпов. Вы уже здесь были?

Коренастый боец. Были. Вот она (показывает на Варю) упала на улице. Мы её привели. Можно сказать, давно знакомы.

Карпов. Ага! То-то я нашёл в рояле красноармейский хлеб.

Старичок (бормочет). Странные вещи я вижу в этом доме. Очень странные.

Девочка опускает голову и треплет бахрому платка.

Коренастый боец. В рояль я его не клал, а положил на диван. Это верно. Скрывать не буду.

Девочка подымает на коренастого бойца смущённые глаза и улыбается ему.

Карпов. Варюша! Значит это ты, милая?

Варя опускает голову. Карпов делает движение к ней, но коренастый боец перебивает.

Коренастый боец. У нас к вам есть одно срочное дело, товариж Карпов. Конечно, оно как-то не очень соответствует уставу, но, надо думать, нам за это не попадёт.

Карпов. А что такое?

Коренастый боец подходит к Карпову и что-то шепчет ему. Карпов улыбается и кивает головой.

Закутайся, Варюша! (Быстро подходит к окну и сильным рывком распахивает его).

Летит снежная пыль.

Старичок (испуганно кричит). Александр Константинович! Вы с ума сошли!

Коренастый боец. Ничего, папаша, не пугайтесь. Мы печку потом так натопим, что чертям будет тошно. Тут, понимаете, такое дело!

Высокий боец. Важное дело.

Карпов садится за рояль. Варя, закутавшись в платок, стоит посреди комнаты и испуганно смотрит на Карпова. С улицы доносится мерный шаг отряда. Карпов ударяет по клавишам — и торжественный, грозный марш гремит в комнате. За окнами на улице слышна команда: «Тише шаг!» Бойцы переглядываются и улыбаются. Они стоят у окна так, чтобы их не было видно с улицы, и заглядывают вниз.

Высокий боец. Сразу встрепенулись ребята!

Коренастый боец. Идут как по воздуху! Шага не слышно.

Отряд за окном идёт. Гремит ликующая музыка. Молодой голос кричит за окном: «От балтийцев — спасибо!» «Ура!» — негромко и стройно кричат на улице проходящие моряки. Карпов перестаёт играть. Подходит к окну. Смотрит вслед удаляющемуся отряду.

Высокий боец. Спасибо, товарищ Карпов. За них — спасибо. Мы сейчас выскочим на улицу, проводим товарищей и вернёмся ещё на минутку. Может быть вы ещё сыграете. Можно?

Карпов. Конечно, можно.

Бойцы уходят. Карпов закрывает окно. Старичок разводит в печке огонь. Подходит к девочке, подымает её голову и смотрит в глаза. У девочки в глазах слёзы.

То-то я нахожу каждый день то кусочек сахара в кармане пальто, то хлеб в рояле. Это ты, Варюша?

Девочка молчит.

А сама падаешь на улице (притягивает к себе девочку и гладит её по голове). Не смей больше делать это. Слышишь!

Девочка. Александр Константинович, я же знаю, что женщины легче переносят голод, и мне не так трудно как вам. Вы—большой. (Девочка прячет голову на груди у Карпова).

Старичок. Вот тебе и сказка. Хлеб сам залезает в рояль, сахар — в карман. Одно только я вам скажу, Александр Константинович, не придумали ещё, к сожалению, ордена для таких вот девочек. Не придумали. А надо бы! «Красную звезду» ей не дашь — не по чину. И «Суворова» ей не дашь — не по возрасту. А вот если бы был орден под названием «Маленькое мужественное сердце» — это было бы, по-моему, в самый раз.

Карпов. Да... Маленькое мужественное сердце. (Смотрит за окно). Великий город — наш Ленинград. Как вы думаете, Павел Аркадьевич?

Старичок. А чего мне об этом думать. Я это и так знаю. Вот, Варюша, и научилась ты быть сильной. Потому что город твой — Ленинград. И с каждым днём ты его все больше и больше будешь любить. Мир не знает такого города, как наш. Мир не видел таких страданий, такого мужества, такой любви, Варюша.

Девочка. Я знаю... (Стоит, прижавшись к Карпову и, улыбаясь, смотрит за окно, где виден город, как бы выкованный из серебра). Я знаю.

Алексей Сурков.

РОДИНА

Осинник зябкий, да речушка узкая,
Да синий бор, да желтые поля.
Ты всех милее, всех дороже, русская
Суглинистая, жёсткая земля.

Деревни меж берёзами и ёлками.
В бетоне и асфальтах города,
И глуши, где старинными просёлками
Прошла в веках монгольская орда.

Не оранная дедовскими сохами,
В густом бурьяне диких пустырей,
Лежала ты, овеванная вздохами,
Омытая слезами матерей.

Пылало небо дымными закатами.
Горели сёла русские в ночи.
Псы-рыцари, сверкающие латами,
В крови купали копыя и мечи.

Холодный пепел стыл над крутоярами,
И оглушал наёмных сабель звон.
Тебя пытали кровью и пожарами
И швед, и шляхтич, и Наполеон.

За данью, за поборами богатыми
На Русь дружины жадные вели
Увенчанные шлемами пернатыми
Магистры, полководцы, короли.

Где слава их? Где гордость их надменная?
Орёл на шлеме! Сокол на щите!
А ты лежишь, бессмертная, нетленная,
Загадочная в мудрой простоте.

А ты лежишь бескрайная пределами,
Ковры лугов и спелых нив стеля,
Сынами возвеличенная смелыми,
Родная сердцу русская земля.

Над славными курганами старинными
Мы взвили к небу красный флаг труда.
Течение рек умерили плотинами,
В лесной глуши воздвигли города.

А ныне вновь струится дым по пажитям.
Свинцом освистан луговой простор.
Добром твоим, в трудах безмерных нажитым,
Утробу жадно набивает вор.

Потоптан луг железными копытами.
Лес притаился. Птичий гомон смолк.
И над твоими ранами открытыми
Склонился немец, как голодный волк.

И заросли поля чертополохами,
И дик простор горелых пустырей,
И ты лежишь, овейная вздохами
Солдатских жён и скорбных матерей.

Над головнями влажными и чёрными,
Как наша кровь, краснеют кирпичи,
Но кузнецы, склонённые над горнами,
Уже куют победные мечи.

Уже по вешним лужам и проталинам,
Заветам славы дедовской верны,
На ратный подвиг, созванные Сталиным,
Полки врагов теснят твои сыны.

Их ждут осинник, и речушка узкая,
И синий бор, и жёлтые поля.
Ты им дороже жизни, радость русская,
Суглинистая, жёсткая земля.

Пока сверкает звёздами вселенная
И солнце не померкнет в высоте,
Ты будешь жить, бессмертная, нетленная,
Загадочная в мудрой простоте.

ЖДИ МЕНЯ, И Я ВЕРНУСЬ...

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет — повезло.
Не понять нежданшим, им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

ЗЕМЛЯ

Осенний путь. Осенний ржавый шлях.
Как мертвецы, лежат снопы в полях.
Продрогший куст под ветром облетает.
Столбы высоки, облака низки,

И холодок тревоги и тоски
В моём притихшем сердце нарастает.
О! как дрожат под ветром провода,
Как дребезжат прерывисто и длинно.

Как солнце падает, как будто навсегда,
За чёрный горизонт твой, Украина!
Я знал тебя с младенческих годов.
Я отдыхал в тени твоих садов.

Любил с тобой встречаться на рассвете.
Тропинка шла хлебами напрямик,
Туда, где трепетал степной родник,
Попавший рыбкой в солнечные сети.

В предутреннем сиянии над ним
Склонялась многолетняя калина,
И в небо тихо поднимался дым
Твоих селений добрых, Украина!

Далёки безоблачные дни!
Мне вдруг так ясно вспомнились они
Под рёв грузовика, буксующего в луже,
И взгляд любимой вдалеке ясенел,

Неуловимый, дальний, как во сне,
Наперекор ветрам и едкой стуже.
Я вылез и на борт налёг плечом.
Пристали к борту чернозём и глина.

Ревел мотор. Так в поле под дождём
Прощался я с тобою, Украина!
А тёмные машины шли и шли.
Нагнувшись, я поднял комок земли,

Пропитанный осенними дождями.
Он тяжко холодел в моей руке,
Как сердце без кровинки... Вдалеке
Пожар высокий задрожал за нами.

И вздрогнул я, услышавши гудок.
Пошли машины медленно и чинно.
Но я не бросил на земь тот комок
Твоей земли любимой, Украина!

Я пронесу его сквозь все бои,
Как кровь свою, как помыслы свои.
Моя душа сольётся с ним навеки.
Он всю мою судьбу теперь хранит.

Как пепел Клааса, он в сердце мне стучит
И будит сил немолкнущие реки.
Он поведёт меня в моей борьбе,
Пройдёт в походах трудная година,

Настанет день, и я верну тебе
Комок земли озябшей, Украина!
А если я в сраженьи упаду
На мёрзлую седую борозду,

Раскинув руки, точно для об'ятья,
И мимо, не успев сказать «прости»,
На запад, не замешкавшись в пути,
Пройдут мои товарищи и братья.

И только родина, склонясь ко мне,
Сорвав ремни, найдёт на сердце сына
Тот вечный, несгораемый в огне
Комок земли горячей, Украина!

Степан Щипачев.

ЛЕЙТЕНАНТ

Лежит в кармане назначенье
Туда, где не смолкает бой.
Он дверь училища с волнением
Закрыл сегодня за собой.

Довольный, но чуть-чуть робея,
В гвардейский полк приедет он.
Похрустывает португеза,
Заправленная под погон.

Он должен быть отцом солдату,
Но, может статься, тот солдат —
Давно женатый и усатый,
А он безус и не женат.

Несладко, знает он, в пехоте:
И дождь сечёт, и зной палит,
И гимнастёрку на походе
Он солью тела просолит.

Но, хоть он виду не покажет,
Ему приятно, например,
Подумать вдруг, что люди скажут:
— Прошёл пехотный офицер.

Он примет взвод, а может роту,
Он не гостить приедет в полк,
Он с ним пройдёт огонь и воду,
Износит много пар сапог.

Где шёл в атаку, где был ранен,
И города какие брал, —
Потом рассказывать он станет,
Уж поседевший генерал.

Фёдор Чернышев.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Я, как все другие, девушки родные,
Милому один завет даю:
«Ты давал присягу? Так назад — ни шагу.
Жизни не жалея своей в бою.

Мы и дни и ночи за станком рабочим
Грозное оружие куём.

Хороши гранаты мастерят девчата

В городе любимом и большом.

Всем бойцам скажи ты — крепче мы гранита,

Каждая стахановка — боец.

В грохоте сраженья слушайте биенье

Тысячи разгневанных сердец.

Это голос мести за позор невесты,

Девушки, подруги дорогой.

Лучше пуля в сердце, чем фашиста-немца

Буду я покорною рабой.

За страну родную — в бой тебя зову я,

Близкий нам, товарищ-человек.

Ты давал присягу? Так назад — ни шагу,

Русский, украинец и узбек.

Лучше пасть в сраженьи, чем, искав спасенья,

Родине любимой изменить.

Кто в бою смелее, жизни не жалеет,

Тот врага сумеет победить.

Бей, громи гранатой злобного врага ты,

За себя, за честь мою постой,

Верь: душой повсюду — я с тобою буду,

Милый мой,

хороший,

мой герой».

Н. Богданов.

КУРСКАЯ АНОМАЛИЯ

Случай со старшим лейтенантом Бабенко был действительно из ряда вон выходящий. Накануне немецкого наступления на Курск он вместе со своим ведомым сел по ошибке на территорию, занятую противником. Рядом были немцы. Заметив ошибку, Бабенко развернулся на 180°, дал газ и улетел домой. Не отстал и ведомый.

Немцы провожали их ливнем огня. Били из пулемётов, автоматов и пистолетов. Послали вдогонку двух «фоккеров». Ребятам пощипали хвосты, но всё же домой они дотянули.

Крепко взялись за старшего лейтенанта Бабенко. Зачем его занесли на вражескую территорию? Как он туда попал?

Худо бы ему пришлось, если бы не Курская магнитная аномалия. Она разделяет с компасом такие чудеса, что диву даёшься. Стоит полететь ниже тысячи метров—и компас начинает вертеться, как белка в колесе. Кроме того комиссия приняла во внимание боевые заслуги Бабенко и долгий перерыв в боевой работе. Будучи контужен в первом году войны, он долго был в резерве; после поправки овладевал новым типом самолёта, и всё приключилось с ним в его, собственно говоря, первый боевой вылет в текущем, 1943 году.

Признаться, он даже сам не понял, как потерял ориентировку. Но удивило его не это. Он до сих пор не мог понять, как ему удалось улететь обратно.

Возвращался он обратно в полк после разбора его проступка авторитетной комиссией и говорил:

— Спас меня, конечно, сорок третий год; в сорок первом я бы так не улетел: и сам бы я растерялся, да и машина была не та. А теперь что за машины у нас! На деле проверил—«фоккер» не догоняет.

— Да и немцы не те, — сказал ведомый.

— Ну, немцы-то те же самые, а техника у них даже улучшилась. Вместо «мессершмиттов» «фокке-вульфы», вместо обычных танков «тигры». Немцы к лету здорово подготовились.

Разговор перешёл на тему о странно затянувшемся затишьи. Немцы явно к чему-то готовились.

Говорили об этом все. И каждый определял стратегический план немцев: они обязательно попытаются срезать Курский выступ,

окружить наши войска, отомстить за Сталинград; называли даже места, намеченные для прорывов с севера и с юга.

В разгар рассуждений шофер притормозил и крикнул:

— Фрицы!

Все с любопытством посмотрели вверх. Действительно, два «фокке-вульфа» кружились над дорогой с выпущенными шасси.

Лётчики вылезли из машины и, делая критические замечания, стали наблюдать, как немцы садились на краю поля. Посадка прошла благополучно. Обе машины остановились в сторонке и выключили моторы. Из кабины высунулся лётчик. Как видно, ведущий.

Завидев бегущих к нему людей, он нарочно медленно и спокойно расстегнул лямки парашюта, бросил в сторону пистолет, затем сел на плоскость и закурил сигару. То же самое с точностью обезьяны проделал ведомый.

Через несколько минут им помогли слезть, потянув за ноги, и, увидев наших офицеров старше себя чином, они потушили сигары.

— Почему вы сели тут? — спросил Бабенко.

Немцы подтянулись, и старший ответил:

— Курская магнитная аномалия! — и оба покрутили вокруг своих носов пальцами, показывая как крутились у них стрелки компасов.

На всех допросах они категорически утверждали, что сели только потому, что их спутала Курская магнитная аномалия, и просили не публиковать в газетах их фамилий.

— Странные фрицы, эти Герберт К. и Густав Б., — говорил ведомый. — Не хотят сказать, что они добровольно перелетели, а ведь похоже, что так...

— Значит, что-то не так... Завтра что-то будет, — ответил Бабенко.

И он угадал. Началось немецкое наступление. Ещё ночью явились перебежчики. Самые натуральные немцы — Георг Кретцберг, обер-ефрейтор 4-й роты 216-го пехотного полка, обер-лейтенант Ф. Г. из 7-й роты 11-го мотополка, танкист Курт Блюмме и другие.

Когда им в ночной тьме прочли приказ Гитлера о последнем и решительном наступлении на русских, они вместе с другими ещё раз гаркнули «хайль» и начали действовать.

Но Курт Блюмме не вскочил на своего «тигра», а утрём выполз из его заднего отверстия и так усердно двигался ползком на восток, что продрал себе локти.

Его не интересовали больше ни куры, ни поросята, ни жакетки, ни меховые воротники — ничто земное. Он думал лишь о спасении души. Ибо два его брата отдали богу душу в двух предыдущих наступлениях, и он решил остаться в живых в третьем «летнем натиске». У него, говорил он, семья, престарелые родители.

Он вздрагивал и поёживался, слыша залпы наших орудий, громящих танковые и пехотные орды его сородичей. Земля блиндажа сыпалась ему за шиворот. Но это уже была не та земля, которая

могла засыпать его навсегда. И Курт Блюмме улыбался и, пытаясь нам польстить, бормотал:

— Дас ист «катушка», дас ист «ванюшка»...

Немецкий удар начался, как всегда, с авиационной подготовки. Утреннее небо наполнилось сотнями самолётов. Здесь было всё: и новейшие «юнкерсы»-штурмовики и старые «лапотники»-пикировщики, напугавшие когда-то бельгийских поселян и голландских необстрелянных за последние сто лет солдат.

На кучу этих «Ю-87» и нарвался старший лейтенант Бабенко со своим ведомым.

Действовали в паре. Бабенко бил, ведомый прикрывал. Пикировщики стали действовать по своей старой схеме. Они вытягивали цепочкой для пикирования по очереди и образования круга.

Строй пикировщиков был безукоризненно правилен и плотен. Это позволило Бабенко бить их весьма сподручно. Он зашёл к одному «юнкерсу» сзади, с хвоста. Уровнял скорости. Ударил по кабине стрелка, затем по кабине лётчика. Самолёт свалился. Не выскакивая вверх, Бабенко подошёл ко второму. Сбил и второго. Подошёл к третьему, сбивая их в цепочке, по очереди. Прицелился по кабине стрелка, но этот хитрый фриц предупредил события: не дожидаясь огня, он открыл козырёк, перебрросил ногу через борт — и, помахав Бабенко рукой, был таков.

Он даже не попрощался со своим лётчиком, поспешно покинув его машину.

Бабенко рассмеялся, провозжая взглядом купол парашота:

— Вот так щит своего рыцаря!

Отправив на курскую землю третий бомбардировщик, Бабенко ещё схватился и погонял «фокке-вульф», а потом вернулся на свой аэродром.

Широкая поляна находилась как раз на направлении главного удара. Весь горизонт на северо-западе был в дыму и пламени. Наши тяжёлые орудия ревели совсем рядом, отчётливо доносилась пулемётная стрельба, когда ей удавалось найти паузу в грохоте тысяч разнообразных пушек. Мимо аэродрома медленно проплывали санитарные машины, а навстречу быстро, но без суеты пробегали пушки на резиновых шинах и тремучие танки.

Увидев встревоженное лицо командира БАО, старший лейтенант Бабенко весело крикнул:

— Будьте покойны, товарищ майор... Ничего у них из этого не выйдет... Трёх в одном бою. Понимаете, трёх! А один выскочил, не дожидаясь... На парашоте.

Парашютистов было много. Но это были не отчаянные парашютисты начала войны: это были отчаянные борцы за собственную шкуру.

В первый же день наступления истребители части, в которой действовал Бабенко, насбивали более ста немецких самолётов.

С машин, ехавших мимо аэродрома, всё время раздавались приветствия по адресу лётчиков. То и дело поднимался раненый боец или командир и кричал:

— Спасибо! Здорово гоняете!..

— Бомбят бесприцельно, только с одного захода...

Правда, грохот боя часто заглушал эти слова.

Истребители работали горячо. В день делали по три, по четыре вылета.

А в сорок первом году Бабенко вылетал и по десяти раз. Но эффект был гораздо меньший. И он был не тот и машина была не та.

Немцы были всё те же. Машины у них даже улучшились. Бабенко стало не по себе, когда он увидел взятого в плен «тигра». Его тащили на буксире. Он ковылял, как зверь, подбитый на одну лапу. Железные раны его кровоточили. Но всё же машина сильная. Только время его прошло: появился он не в начале войны, а через два года, когда созрело умение, когда в бесстрашного солдата превратился наш удалой русский человек.

Повидав «тигра», Бабенко с ещё большим уважением стал относиться к пехотинцам.

На утро были бои. И на следующее утро всё вокруг грохотало без передышки. Не утихал бой и ночью. Основное кипение разрывов переместилось уже восточнее. Битва шла теперь позади аэродрома. Командир БАО, выдавший виды и испивший горькие чаши двух отступлений, не спал ночи. Не смыкая глаз, он смотрел на вулканический горизонт и запекшимися губами шептал:

— Ни черта они не продвигаются... В сорок первом году на третий день они наш БАО на сто вёрст обогнали. Мы отступали месяц позади их танков... В сорок втором наш БАО опять едва не попал в окружение на третий день... А теперь вот уж третий день битва ходит вокруг, а всё на одном месте, как ночная зарница.

За пять дней боёв немцы продвинулись на девять километров. Затем стали окапываться. Потом получили удар и покатались обратно. Началось наше контрнаступление.

У лесов и роц, изрубленных снарядами, выстроились войска, слушая приказ своего великого полководца:

«...немецкий план летнего наступления нужно считать полностью провалившимся».

— Это им не сорок первый год, — шепчут многие губы. — Теперь на нашей улице праздник!

И раны, полученные в победном бою, меньше болят, и горе о погибших переносить легче.

Опять пришлось ехать Бабенко по той же дороге, когда шофер снова сказал:

— Смотрите, фриц!

На поле садился немецкий самолёт какой-то невиданной системы. Это был «Арадо-66». Старей нашего «У-2». Из него вылез

лётчик и торопливо поднял руки, затем сунул их в карманы, вытащил большой носовой платок и стал им размахивать у себя над головой.

— Почему вы сели? — без обиняков спросил Бабенко.

— Курская магнитная... — начал немец.

— Знаю, знаю. Бросьте арапа заправлять. Это у меня была аномалия. Это я спутался и сел в вашем тылу. Только я посмотрел на ваши рожи, да и был таков. Понятно? Бросьте притворяться. Вы просто перелетели, чтобы спасти свою шкуру, но опасаетесь сказать это прямо, трусите за свою фамилию... Все вы такие в этом году. Как и ваш фюрер. Он тоже завопил: «Я не я и тигра не моя... это наступают русские». Будущее себе подготавливал. Совалялся на Курск, а боялся потерять Орёл... А впрочем, черт с вами, дали мы вам по зубам, теперь вопите на весь свет: Курская аномалия!

Немца повезли на допрос, а машина поехала дальше. Полк перебазировался вперёд, и лётчики поехали уложить вещи и рассчитаться с БАО.

В небе было совершенно тихо и ясно.

— Тут полный идиот не заблудится, — с сердцем сказал Бабенко, — а тогда облака были ниже шестисот метров. Тоже мне, аномалия!..

НЕМЕЦКИЙ СТАРОСТА

Отрывок из пьесы

«ПАРТИЗАНЫ В СТЕПЯХ УКРАИНЫ»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Долгоносик — немецкий староста
Фриц Штиглиц — обер-лейтенант
Макс Шульц — лейтенант } немцы
Миллер — ефрейтор
Параська — жена помощника командира партизанского отряда.

Штаб германского полка. Приёмная. Рядом — большая комната с дверью в глубине. В приёмной у телефона Миллер.

Долгоносик (входит в приёмную)...Филимон Филимонович Долгоносик, вопиющая жертва большевизма. Вот пропуск и письмо к господину Штиглицу.

Миллер прочёл, попросил сесть, прошёл в соседнюю комнату, передал письмо Штиглицу.

Штиглиц. Проси.

Шульц. Поеду, проверю охрану склада.

Штиглиц. Возвращайся поскорее. Капитан проснулся и, вероятно, ожидает ужина.

Шульц. Хорошо (Ушёл).

Входит Долгоносик.

Долгоносик. Филимон Филимонович Долгоносик. Вопиющая жертва большевизма... Хайль Гитлер!

Штиглиц. Хайль!.. Садитесь, господин Долгий Носик.

Долгоносик. Нет, я не могу сидеть перед вами, моими дорогами освободителями. Достаточно сидел я у большевиков в тюрьме, за идею. Теперь хочу стоять.

Штиглиц. За идею — тюрьма?.. О, о, какие зверства большевик вам делаль...

Долгоносик. Перед вами абсолютно вопиющая жертва. Я—борец за свободу торговли... Всю жизнь я боролся с фининспектором, с милицией, с ГПУ. Там меня все знают. Я выступал против большевиков в торговле, я четыре раза засыпался, но всегда выкручивался. Что я пережил!.. Разрешите папироску?

Штиглиц даёт ему папироску.

Четыре засыпки... Пришлось бросить город, согласиться на низовую работу в колхозе... Как только я развернул там коммерцию и всё наладил, я снова засыпался на коже... (Берет яблоко). Какое счастье, что вы пришли! Я весь к вашим услугам! (Пьет воду).

Штиглиц. И долго вы сидель тюрьма?

Долгоносик. Четыре года, общим счётём. Эйн, цвей, дрей, фир...

Штиглиц. Фир яре... О, ви жертва...

Долгоносик. Абсолютная и вопиющая. Я писал апелляции, я не молчал, я боролся.

Штиглиц. Вы писаль против большевик?

Долгоносик. Ещё сколько раз писал-

Штиглиц. Вы кончали университет?

Долгоносик. А как же, был в нарымском университете, но не закончил, бежал от ГПУ...

Штиглиц. О, гут, гут! Германское командование вас назначать староста. Я вас поздравляй...

Долгоносик. Э-э... Мне ещё хочется пожить. Позавчера партизаны убили старосту...

Штиглиц. Фи, господин Долгий Носик, мы завтра партизан капут... Я вас поздравляй... Ви согласен?

Долгоносик. Согласен. Но с одним условием...

Штиглиц. Я слушаль...

Долгоносик. Раз мне выпала честь заботиться о местном населении, то для того, чтобы все жители были довольны и германское командование тоже, вся торговля должна быть в моих руках. Я покажу им всем, что такое Долгоносик.

Штиглиц. Гут. Вы писаль тут, писаль... (Подает бумагу и ручку). Я, Долгий Носик, писаль, писаль...

Долгоносик. Я, Долгоносик... Имя тоже писать? (Пишет.).

Штиглиц. Имя ваше... и папа...

Долгоносик. Филимон Филимонович.

Штиглиц. Буду выполнял все те бэфель... то есть приказания...

Долгоносик (пишет). Все приказания...

Штиглиц. Германского командования... За неисполняй приказ мне, Долгий Носик, капут, то есть расстреляйт...

Долгоносик. Нё понимаю...

Штиглиц. Расстреляйт — пиф, паф — и капут... Писаль... Писаль...

Долгоносик. Фу! А могу я апелляцию...

Штиглиц. Писаль, что я говорил... Ну, шнелль!

Долгоносик. Пишу, пишу...

Штиглиц. Писаль фамилию?..

Долгоносик передал бумагу.

(Читает). Тут писаль имя и папа...

Долгоносик (пишет). Филимон Филимонович.

Штиглиц. Гут! (Взял). Вы знайт... (Вынул книжечку). Шистнок, Галюшка, Редька, Пупи?

Долгоносик. А как же? Отлично знаю. Редька меня арестовал, Чеснок донёс на меня в ГПУ...

Штиглиц. О, вы их может узнавайт?

Долгоносик. Днём и ночью.

Штиглиц. Вы знайт — Шистнок, Галюшка, Редька, Пупи—бандиты, убивайт староста...

Долгоносик. Так они здесь в партизанах?.. Ой! (Пьет воду). Их надо немедленно поймать, сегодня же... Иначе я не смогу работать... Нет, нет...

Выстрел. Крик. Снова выстрел. Женский крик.

Ой, партизаны! (Хочет выскочить в окно.)

Штиглиц. Цурюк! (Схватил его за шиворот и так толкнул, что Долгоносик полетел под стол и за-тих).

Вводят женщину в приёмную. Она плачет и кричит: «Ироды, пустите! Убили Невинную женщину! Пустите, убийцы!» Входит Миллер.

Миллер. Возле оружейного склада поймали двух женщин, арестовали. Вели сюда. Одна пыталась бежать, её убили.

Штиглиц. Ввести!

Вводят Параську.

Параська. Господин офицер, что это такое? В честных людей стреляют! Ой, боже мой, убили честную женщину!.. Ой!..

Штиглиц. Фамилия!

Параська. Ой... Ой... Убили честную женщину...

Штиглиц. (крикнул). Фамилия!

Параська. Паляница... Мария...

Штиглиц. (пишет). Паляница Мария. Ты — бандит, партизан...

Параська. Я честная женщина. Моего мужа большевики убили!..

Долгоносик. (под столом). Врёшь, врёшь! (Вылезает). Так ты Паляница Мария?.. Чего молчишь? Это — жена Галушки, Параськой зовут её...

Штиглиц. Фрау Галюшка? Галюшка? Вы знайт пан Долгий Носик?

Параська. Впервые вижу.

Долгоносик. Впервые видишь? Не крутись, Параська! Не крутись! Лучше скажи, где Чеснок и вся банда? И я для вас с Галюшкой выпрошу помилование. Я теперь староста и всё могу сделать.

Штиглиц. Господин староста Долгий Носик говорил правда... Скажи, где Шистнок и банда?

Долгоносик. Говорите, Парася, лучше будет!

Штиглиц. Говори, а то... (Показывает на шею). Капуть!

Долгоносик. Разрешите мне поговорить с ней наедине пять минут, и всё будет в порядке. Ручаюсь, она скажет всё. Я же её знаю.

Штиглиц. Хорошо! (В ы ш е л).

Долгоносик. Эх, Парася, как мне жаль, что так всё случилось!.. Ну, Парася, перепёлочка моя, не молчи! Я перед тобой новые горизонты жизни раскрою. Теперь я назначен старостою, и вся торговля будет в моих руках. Одно слово, Парася, и ты будешь моей. Будешь старостихой. По улице пойдёшь — все перед нами головы склонять будут. Теперь будет порядок. Нам все будут низко кланяться. А торговцы, так те даже будут руку целовать. О, я наведу порядок! Парася, ты помнишь, я давно к тебе питал симпатию... Парася!

Параська. Филимончик, а как же с Галушкой?

Долгоносик. Парася, перепёлочка моя, Галушечку мы...

Хочет обнять её. Параська схватила его за горло. Филимон застонал. Параська душит его, бросила на землю. Душит тихо.

Параська. Подыхай, подыхай, гад! Быстреей, быстреей!

Входит Штиглиц.

Штиглиц. Вас ист дас?

Параська. Готов!

Штиглиц. Цурюк! (В ы х в а т и л р е в о л ь в е р, о т т о л к н у л П а р а с ь к у, к р и к н у л.) Миллер!

Вбежал Миллер, вытянулся.

Параська. Так будет и с тобой, гад, стреляй! Не боюсь тебя, плюю тебе в глаза, собака! (П л ю н у л а).

Штиглиц. (З а к р ы л р у к о й г л а з а). Миллер!

Миллер схватил Параську, потащил к дверям. Штиглиц вытирает глаза. Входит Шульц.

Шульц. Что случилось, Штиглиц? Что с тобой? Кто это?

Штиглиц. Чортова ведьма! Плесни на него водой! Это наш новый староста. Эта бандитка его чуть не задушила...

Шульц (б р ы з н у л в о д о й и з г р а ф и н а, п о щ у п а л п у л ь с). Кажется, вода ему не поможет.

Штиглиц. Неужели? (Щ у п а е т п у л ь с). Да, ему конец!

КАК ОНИ ИДУТ НА СМЕРТЬ

(Отрывок из пьесы «Русские люди»).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сафонов Иван Никитич — командир автобата, 32 лет.
 Васин Александр Васильевич — начальник штаба, 62 лет.
 Глоба Иван Иванович — военфельдшер, 45 лет.
 Панин — корреспондент центральной газеты, начальник особого отдела автобата, 30 лет.
 Шура — машинистка, 27 лет.
 Козловский, он же Василенко, 30 лет.
 Васильев — лейтенант.
 Гаврилов — капитан.
 Панченко — младший лейтенант.

Штаб Сафопова. Ночь. За столом, очевидно, после ужина, Глоба, Панин, Васильев. Шура убирает со стола. Глоба мурлычет себе под нос. Молчание.

Сафонов. ...А мне нужно самому на Заречную сходить, потому что ты человек, конечно, хороший, но серьёзный. А когда люди каждый день к смерти готовы, им серьёзность не всегда требуется, им иногда смех требуется. А я им это устроить могу, я человек весёлый. А насчёт моих болезней, это я считаю, неинтересная тема для разговора.

Глоба. А какая же интересная?

Сафонов. А такая интересная, что вот канонаду я слышу. Теперь ещё отсидеться два дня и — порядок. Кто жив останется, тот живой будет. (Панину). И придётся тебе, начальнику особого отдела, сдать свои дела и опять в писатели податься.

Панин. Да в газете уже, наверное, думают — пропал их собственный корреспондент... Когда мы соединимся, я напишу статью «Мой немец». О том, как я убил первого немца. У меня явилась до странности простая мысль, что если каждый из нас своей рукой убьёт всего одного немца, то от всей их армии ничего не останется. Но непременно, чтобы каждый.

Слышна канонада.

Глоба. Наши.

Сафонов (прислушиваясь). Да эта музыка ободряюще действует на характер. Я на что надеюсь? — я на генерала Луколина надеюсь, потому, что я его знаю. Он непременно до нас дойдёт. Хороший человек.

Входит быстро Васин, за ним — Козловский.

А, Александр Васильевич! Всё пропадаешь, неугомонный ты старик. Смотри, вымок весь.

Васин. Товарищ капитан, вы переправили Анощенко?

Сафонов (взглянув на часы). При мне нет, но сейчас уже должно быть... А что?

Васин. Где, у Южной Балки?

Сафонов. Да, а что?

Васин. Товарищ лейтенант, соедините со второй ротой.

Лейтенант встаёт, выходит во вторую комнату.

Быстро!

Во время последних слов Козловский, стоявший рядом с Васиним, выхватывает револьвер, но Васин, очевидно незаметно следивший за ним, поворачивается и ловким движением перехватывает его руку, вывёртывает. Револьвер падает.

Прежде, чем брать в руки оружие, надо уметь с ним обращаться.

Сафонов. Что это означает?

Васин. Сейчас. (Козловскому). Идите туда, в угол.

Козловский молчит.

Ну!

Козловский отходит в угол.

(Панину). Последите за ним.

Сафонов. Что случилось, Александр Васильевич?

Васин. Сейчас! (Кричит в другую комнату). Соединили?

Лейтенант. Есть, соединили!

Васин проходит в другую комнату, кричит там в телефон.

Васин. Задержите Анощенко, если ещё не переправили... Я спрашиваю: переправили или нет?

Пауза.

Я знаю, о чём можно по телефону разговаривать и о чём нельзя. Переправили или нет? Так. Понятно.

Входит в комнату.

Переправили. Опоздали.

Сафонов. Александр Васильевич, может, объяснишь всё-таки?

Васин. Так точно. Сейчас объясню. (Смотрит на Козловского). Вот этот, мой племянник, объяснит.

Сафонов. Что такое, Василенко, в чём дело?

Васин. Разрешите доложить, товарищ капитан, что это не Василенко, а мой племянник Николай Козловский, переправленный с немецкой стороны сюда под именем Василенко, очевидно, с чужими документами. Но это потом. Сейчас нужно принять меры, потому

что он сообщил немцам, где и когда переправлялась Анощенко.

Сафонов. Вот гадюка! Вот гадюка!... (Встает). Глоба!

Глоба. Да.

Сафонов. Глоба, одевайся в штатское. Скорей. Где оно у тебя?

Глоба. В госпитале.

Сафонов. Беги.

Глоба выходит.

Да... Так всё-таки объясни, Александр Васильевич, до конца.

Васин Я. обходил патрули и заметил его там. Сначала заметил, как кто-то плыл от нас на тот берег. Стрелял на всплески, но, видимо, не попал. А потом заметил вот его... Как я его не узнал? (Вот ведь теперь же вижу, что похож. Ясно вижу, что похож.)

Сафонов. Александр Васильевич, может, доложишь по порядку.

Васин. Так точно. Сейчас. Будучи мною задержанным, он решил открыть своё настоящее имя и предложить мне вместе с ним переправиться к немцам, утверждая, что завтра будет решительная атака и что мы все пропадём. Относительно решительной атаки, полагаю, врёт. Это, чтобы купить меня. А вот касательно того, что он сообщил о переправе Анощенко, это точно. Это я сам у него выяснил.

Сафонов. Так. Ну, дальше, Александр Васильевич!

Васин. Дальше. Я, видя, что это не разведчик, а молокосос, сделал вид, что убеждён, его словами, и пошёл с ним сюда, чтобы перед бегством захватить штабные документы. Оттуда телефона всё равно, как вы знаете, нет, и я решил, что быстрее всего сюда. По дороге он мне высказал ряд соображений о том, что я должен делать, как бывший офицер... о том, в чём состоит дворянское благородство и правила поведения истинно русских людей. Всё, товарищ капитан.

Сафонов. Всё. Да.. (Смотрит на Козловского).

Васин. Кроме того, это, к сожалению, действительно мой племянник, сын моей сестры, проживающей в Николаеве на Трёхсвятской улице. Я не видел его четырнадцать лет, и он значительно изменился. Но всё-таки, очевидно, мог бы узнать, если бы был внимательнее. Готов за это понести ответственность.

Сафонов. Да что там ответственность, Александр Васильевич! Подумаешь, из-за такой сволочи расстраиваться! Ну племянник он тебе, ну и шут с ним! Расстреляем — и не будет у тебя племянника — и всё. Товарищ Панин! Возьми красноармейца, пойдёшь в ту комнату, займись им. Только недолго занимайся.

Панин. Понятно.

Козловский, сёжившись, стоит у стены.

Красноармеец. Пойдём!

Козловский (Проходя мимо Васина). Я умру, но... будьте вы прокляты! Вы... вы мне не дядя... Вы...

Сафонов. Конечно, он тебе не дядя. Кто же захочет быть дядей такой сволочи?! (Оборачиваясь).

Козловский. Я умру, но я всё-таки скажу, что...

Васин. Единственно, что вам могу посоветовать, молодой человек, это умереть молча. Единственный порядочный поступок, который вы ещё можете сделать в жизни.

Пани. красноармеец и Козловский уходят в другую комнату.

Сафонов (После молчания). Как же мы с тобой, Александр Васильевич, проморгали-то, а? Может быть, он не в первый раз сегодня на берег ходил?

Васин. Так точно. Вполне возможно.

Сафонов. Откуда такая гадюка? Ему же тридцати годов нет, откуда у него эта гадость?

Васин. Отца у него убили в германскую. Мать. Ну, что же, мать — моя сестра — тихая женщина. Она в его воспитании принимала мало участия. А вот брат его отца, тот занимался его воспитанием. Я как-то не придавал этому значения, он был ещё мальчишкой. Очевидно, напрасно не придавал, напрасно. Он вбил себе в голову с детских лет, что революция его чего-то лишила. Она его ничего не лишила, потому что он бездельник и дрянь и был бы им и так и этак. Но он вбил себе в голову, что у него что-то отняли, и возненавидел всё. Я встречал таких молодых людей. Мало, но встречал. Да...

Пауза.

Как я мог его не знать? Я подам рапорт, товарищ капитан, и буду просить расследовать это дело со своей стороны.

Сафонов. А иди ты со своим рапортом, Александр Васильевич. Нам с тобой некогда рапорты писать, нам ещё завтра драться нужно. (Опускает голову на стол, молчит).

Васин. Что с вами, Иван Никитич?

Сафонов молчит.

Васин. Что с вами, Иван Никитич?

Сафонов. Это мы поправим. Глобу пошлём.

Входит Глоба в штатском.

На, бумажку. Учи наизусть.

Глоба. У меня память плохая. Я лучше так.

Сафонов. Нет, учи досконально.

Глоба зубрит бумажку. Пауза.

Глоба. А всё-таки, как ни скажи, Иван Никитич, а жизнь-то тоже приближается. (Прислушивается к канонаде. Выходит).

Сафонов. Ты учи. Да, теперь два дня ещё или день — и освободят. Теперь только додержаться — и всё.

Дежурный (открывает дверь). К вам из армии, товарищ капитан.

Сафонов. Из армии? Кто из армии?

В дверь входят двое в лёгких костюмах.

Первый. Капитан Гаврилов, из штаба сорок третий.

Сафонов (поднимаясь ему навстречу). Здорово. Сафонов, капитан.

Второй. Младший лейтенант Панченко.

Сафонов. Сафонов. На самолёте?

Гаврилов. Да. Замёрзли мы.

Сафонов. Давай, Шура, быстрее. И насчёт чайку!

Шура ему что-то тихо шепчет на ухо.

Ну, что же делать. Всё равно, давай из завтрашнего. Это насчёт воды, — мол, воды нет. Ну, ничего, найдёт. А насчёт водки, — водка есть, так что греться можно. Ну, товарищ капитан, говори, что, как, или сначала разденешься?

Гаврилов. Да, неплохо будет.

Шура. Пойдёмте, я провожу вас.

Шура, Гаврилов и Панченко уходят.

Сафонов. Вот, товарищ капитан, какая история. Получил я приказ. Армия к лиману подходит. Немцы находятся прижатые к воде и что была мысль взорвать мост у них в тылу, так теперь мысль эта неправильная. Вот товарищ капитан привёз приказ оставить город, собрать все силы и захватить мост хотя бы на два часа. До подхода наших частей. Чтоб они по этому мосту потом дальше могли идти. Ясно?

Панин. Ясно.

Сафонов. Ясно, но тяжело. Придётся нам с тобой, Панин, с людьми говорить. Потому что взорвать мост — это пустяки рядом с тем, чтобы взять мост. Потому что люди устали, они уже надеялись, что им переждать теперь два дня, пока наши придут, — и всё. А им ещё надо теперь мост брать, жизнь свою класть за этот мост. Это объяснить надо людям. Понимаешь, Панин?

Панин. Объясним.

Сафонов. Сделаем, но тяжело. Лично по себе сужу. Приготовился я жить. Знаешь, это вроде как человек воюет полгода, потом ему отпуск на завтра дают, а перед отпуском за два часа говорят: «Иди опять в атаку». Вот для него эта атака самая тяжёлая. Так вот и для нас для всех. Ну, в общем, мост — это я лично на себя беру. А ты, Александр Васильевич, чтоб их вконец с толку сбить, ты, что от второй роты осталось, возмёмшь и у Южной Балки будешь вид делать, что прорваться хочешь. Но такой вид делать, Александр Васильевич, чтобы похоже было, чтобы они, немцы, про мост забыли, совсем забыли, чтобы на тебя все внимание обратили.

Васин. Так, значит, демонстрация!

Сафонов. Да, демонстрация. Но только ты забудь это слово. Люди всерьёз должны у тебя итти. Это не всякий выдержит, чтобы знать, что без всякой надежды на смерть идёшь.

Пауза.

Да, Панин, забыл тебя спросить, ты с этим сукиным сыном, закончил с ним разговор?

Панин. Закончил.

Сафонов. Совсем закончил?

Панин. Совсем.

Сафонов. Ну, хорошо. (В а с и н у.) Вот Панин с тобой пойдёт за комиссара.

Васин. Я только опасаюсь, что они не попадутся на эту удочку.

Сафонов. Попадутся, я так придумал, что попадутся.

Входит Г л о б а в штатском.

Вот Глоба поможет, чтобы попались. Иди сюда, Глоба!

Глоба встаёт перед ним.

Вот какое дело, Глоба! Пойдёшь сейчас на ту сторону.

Глоба. Есть.

Сафонов. Заучил бумажку?

Глоба. Заучил.

Сафонов. Отставить. Пойдёшь на ту сторону, найдёшь Василия, передашь ему, что взрыв моста отставить. Ясно?

Глоба. Ясно.

Сафонов. Сделаешь это...

Глоба. И обратно?

Сафонов. Нет. Сделаешь это и... потом пойдёшь в немецкую комендатуру.

Глоба. Так.

Сафонов. Явившись к немецкому коменданту или кто там есть из начальства, скажешь, что ты есть бывший кулак, лишенец, репрессированный, в общем, найдёшь, что сказать. Понятно?

Глоба. Понятно.

Сафонов. Так. И скажешь им, что бежал ты отсюда, от этих большевиков, будь они прокляты, и что есть у тебя сведения, что ввиду близкого подхода частей хотим мы из города ночью вдоль лимана прорваться у Южной Балки. Ясно? И в котором часу, скажешь. Завтра в восемь.

Глоба. Ясно.

Сафонов. Ну, они тебя, конечно, в оборот возьмут, но ты стой на своём. Они тебя под замок посадят, но ты стой на своём. Тогда

они поверят. И тебя они держать как заложника будут, чтобы ежели не так выйдет, то расстрелять.

Глоба. Ну, а как же выйдет, так или не так?

Сафонов. Не так. Не так, Иван Иванович, выйдет, не так, дорогой ты мой. Боюсь я, что не свидеться нам с тобой больше, но другого выхода у меня нету. Вот приказ у меня. Читать тебе его лишнее, но имей в виду: большая судьба от тебя зависит многих людей.

Глоба. Ну, что ж.

Пауза.

А помирать буду, песни петь можно?

Сафонов. Можно, дорогой, можно.

Глоба. Ну, коли можно, так и ладно. В случае чего, встречусь я с ней там. На один цугундер посажены будем. Что передать что ли?

Сафонов. Что ж передать? Верующий был бы человек, сказал бы, что на-днях на том свете увидимся. А так — чего ж? Ты ей на лицо посмотри. Если увидишь, что ей это, может, ни к чему, то не говори, а если увидишь, к чему, то скажи — просил Сафонов передать, что любит он тебя. И всё тут.

Глоба. Хорошо.

Сафонов. Ну, что же...

Глоба. Говорят, старая привычка есть: посидеть перед дорогой на счастье. Давай-ка сядем.

Все садятся.

Шура!

Шура. Да?

Глоба. Ну-ка мне полстаканчика на дорогу.

Шура наливает водку. Глоба, выпив залпом, обращается к Гаврилову.

Что смотришь, товарищ капитан? Это ведь не для храбрости, это для теплоты пью. Для храбрости это не помогает. Для храбрости мне песня помогает. (Пожимает всем руки, идёт к двери, поворачивается и вдруг запекает: «Соловей, соловей, пташечка». С песней скрывается в дверях).

Молчание.

Сафонов. Ты слышал или нет, писатель? Ты слышал или нет, как русские люди на смерть уходят?

ТУМАНЫ МОИ, РАСТУМАНЫ

Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные поля и луга,
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.
На прощанье сказали герои:
Ожидайте хороших вестей,
И по старой Смоленской дороге
Повстречали незваных гостей.
Повстречали, огнём угощали,
Навсегда уложили в лесу
За великие наши печали,
За горячую нашу слезу.
С той поры да по всей по
округе
Потеряли злодеи покой.
День и ночь партизанские
вьюги
Над разбойной гудят головой.
Не уйдёт чужеземец незванный,
Своего не увидит жилья.
Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родная сторонка моя.

108243

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Алексей Сурков. — Победа	3
Максим Рыльский. — Родной земле	4
Демьян Бедный. — Пред миром засверкал	4
Павло Тычина. — Голос матери	5
Леонид Соболев. — Морская душа	8
— И миномёт бил	8
Федя с наганом	9
Ю. Добряков. — Черты героизма	10
Юрий Яновский. — Украинка	12
Константин Паустовский. — Ленинградская ночь	16
Алексей Сурков. — Родина	24
Константин Симонов. — Жди меня	26
Леонид Первомайский. — Земля	27
Степан Щипачев. — Лейтенант	29
Фёдор Чернышёв. — Песня девушки	30
Н. Богданов. — Курская аномалия	31
А. Корнейчук. — Немецкий староста	36
Константин Симонов. — Как они идут на смерть	40
М. Исаковский. — Туманы мои, растуманы	47

Редактор А. РОЗИН.

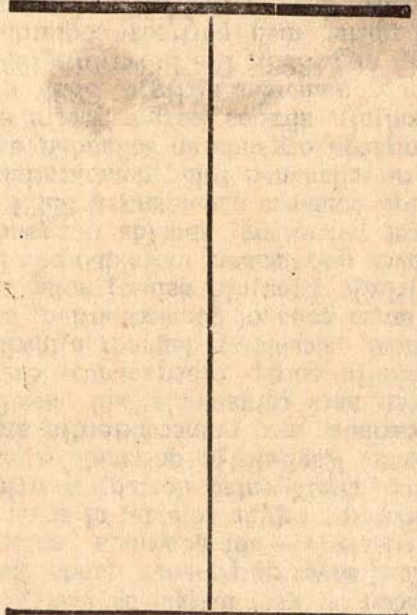
Поступило в набор 16/IX—1943 г. Сдано в печать 17/IX—1943 г.
 АГ 24609. Заказ 4228. Тираж 10.000
 Объём 1,5 п. л.

г. Барнаул, типография изд-ва «Алтайская правда».

salalarinda sotialistik sistemachin belkii anditit kesij men aul ca
 va
 Basqaca bolub mymkjn de emes edj. Qalj cartuacsbilqornjn
 vndan vblai da nbyqai berujne vastar alpr keldj.
 ondayub, qalj va
 djiijgjijn kycejn,
 jstjn varlyq s
 kelmei tura alm
 listik qoqaman
 stj, cau taptar
 kamь volp otn
 jstau negjzjn de e
 lar men kapitalis
 daqь vjtspeitin
 r onь jckj xal
 tatsianь tepkjsj
 soviet qoqamь tap
 larьn, intelligem
 Osь vjriik-ynьn
 jgj, SSSR qalq
 ycter oьjs aldy.
 stitutsiasь, elmjz
 tudь.
 keisek, vbi salia
 seljgj volp otn
 nьnьn, dostqorn
 loьp dekarvde vol
 logьna 90 millio
 adamьn 98,6 p
 bь Sovetterjn
 i partiaда coqta
 qatnasqan va
 jm.
 ekmetjnjn tausьb
 nianь tylь men

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
 указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач

salalarinda sotialistik sistemachin belkii anditit kesij men aul ca
 va
 Basqaca bolub mymkjn de emes edj. Qalj cartuacsbilqornjn
 vndan vblai da nbyqai berujne vastar alpr keldj.
 ondayub, qalj va
 djiijgjijn kycejn,
 jstjn varlyq s
 kelmei tura alm
 listik qoqaman
 stj, cau taptar
 kamь volp otn
 jstau negjzjn de e
 lar men kapitalis
 daqь vjtspeitin
 r onь jckj xal
 tatsianь tepkjsj
 soviet qoqamь tap
 larьn, intelligem
 Osь vjriik-ynьn
 jgj, SSSR qalq
 ycter oьjs aldy.
 stitutsiasь, elmjz
 tudь.
 keisek, vbi salia
 seljgj volp otn
 nьnьn, dostqorn
 loьp dekarvde vol
 logьna 90 millio
 adamьn 98,6 p
 bь Sovetterjn
 i partiaда coqta
 qatnasqan va
 jm.
 ekmetjnjn tausьb
 nianь tylь men
 danь vjter vobandqan yna jckj vjriij kycej vobandqan ol
 eldegj armadan boisa da mьqьraq volady degьn sez, cet elderdegj so
 sqqьbьpьna neustennucjlerdn mьqь esjn de ustaqanь gen volar edj.
 lakr, Tuxacevski, Rozengejts, Vuxatin cana vasqqa sol siatqь qanьp
 cponardarьn, kjsj oltьucjlerden, ziankesterdьn soviet tibmdarьn t
 tub soviet strojn «teьsejtj»-mьs, onь «jrtedj»-mьs dep vblaidar
 Bvl onьoqan vblcidь vjraz mazaq qbisa vobqanda. Soviet tibmdar
 zianьp, cat elementterden tazatub soviet strojn qalaica tenselte alady,

ЦЕНА 2 р. 50 коп.